

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МЕСТА И РОЛИ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**Ларикова Алина Николаевна**

студент Кубанский государственный университет РФ, г. Краснодар

Малиновский Олег Николаевич

научный руководитель, канд. юрид. наук, доцент, Кубанский государственный университет РФ, г. Краснодар

Аннотация. В настоящей статье предпринимается попытка определения места и роли постановлений ЕСПЧ в правовой системе России. Анализируются наиболее противоречивые решения Страсбургского суда, а также постановления Конституционного Суда РФ. Акцентируется внимание на причинах коллизий между ЕСПЧ и Конституционным Судом РФ.

Ключевые слова: Европейский Суд по правам человека, конвенция, решения, Конституционный Суд, Российская Федерация.

Вступив в 1996 г. на правах полноправной участницы в Совет Европы, Российская Федерация взяла на себя ряд обязательств. Одним из них стало обязательство ратифицировать Конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1950 г., что и было сделано Федеральным законом от 30.03.1998 г. № 54-ФЗ. В юридической литературе отмечается, что присоединение к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. стало важным шагом на пути интеграции России в европейское правовое пространство, оказавшим существенное влияние на модернизацию её правовой системы [1, с. 36]. Ввиду того, что Конвенция имеет статус правовой основы Европейского Суда по правам человека, ст. 46 Конвенции обязует страны-участницы признавать юрисдикцию Суда и исполнять его окончательные постановления.

Право на обращение в Суд возникает с момента, когда физическим или юридическим лицом или организацией были исчерпаны все доступные и эффективные национальные средства правовой защиты. Формула «эффективные средства защиты» предполагает существование на национальном уровне солидных и неуязвимых гарантий, создающих реальную возможность обжалования предположительно неправомерных действий публичных властей, и право обращения при необходимости в национальную судебную инстанцию [2, с.207].

Ч. 4 ст. 15 Конституции РФ закрепила, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренным законом, то применяются правила международного договора. Эти положения нашли свое отражение в ст. 5 ФЗ от 15.07.1995 «О международных договорах РФ», согласно которой положения официально опубликованных международных договоров, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно. Федеральный Закон «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» устанавливает, что: «Российская Федерация в соответствии со статьей 46 Конвенции признает ipso facto и без специального соглашения юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к

ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после их вступления в действие в отношении Российской Федерации» [3].

Естественен и логичен вопрос о соотношении вышеназванных предписаний и содержащимся в этой же 15 статье Конституции РФ (ч.1) положением о верховенстве юридической силы Основного закона. Из ч.1 ст. 15 вытекает недопустимость противоречия правовых актов высшему документу страны. Такое противоречие, получившее в юридической науке и практической действительности статус острой проблемы, возникает, в частности, когда ЕСПЧ и Конституционный Суд РФ расходятся в части толкования норм Конвенции.

В данной связи представляется целесообразным рассмотреть вопрос о возникающих коллизиях в усмотрениях Европейского Суда и решениях Конституционного Суда РФ, а также о возможных мерах по развитию диалога двух не уступающих друг другу по значимости творцов правосудия.

Для этого стоит обратиться к истолкованию вышеуказанных противоречий, закреплённому в источниковой базе Конституционного Суда РФ.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 г. дан обоснованный ответ на прямую попытку ЕСПЧ в решении по делу «Анчугов и Гладков против России» подвергнуть сомнению конституционное положение о запрете на участие в выборах лиц, содержащихся в местах лишения свободы по приговору суда [4]. Запрет на участие в выборах граждан, содержащихся в местах лишения свободы, был отвергнут ЕСПЧ, по мнению которого все правовые акты государств-участников Конвенции подлежат проверке, невзирая на их внутренний статус, а потому установление соответствующего запрета непосредственно в Конституции РФ не может служить оправданием недифференцированного и несоразмерного ограничения активного избирательного права. ЕСПЧ придал в данном решении статье 3 Протокола № 1 к Конвенции смысл, предполагающий изменения в ч. 3 ст. 32 Конституции РФ, на что Россия, как Высокая Договаривающаяся Сторона в международном договоре, при ратификации Конвенции согласия не давала, поскольку полагала, учитывая отсутствие каких-либо претензий со стороны Совета Европы, что положения ст. 32 Конституции РФ не противоречат смыслу ч. 3 Протокола № 1. Таким образом, вышеуказанные притязания ЕСПЧ в решении по делу «Анчугов и Гладков против России» свидетельствуют либо об отсутствии должного уровня просвещенности у судей Страсбургского суда в части смысловой нагрузки положений Протокола к Конвенции, либо о попытке придать авторитетный статус соответствующим решениям вопреки целям и объекту последней.

Стоит отметить, что подобные коллизии являются не единственными. Достаточно вспомнить постановление Страсбургского суда от 7.10.2010 г. по делу «Константин Маркин против России». В этом постановлении было констатировано нарушение Конвенции, хотя ранее Конституционный Суд РФ определением от 15.09.2009 г. отказал заявителю в принятии жалобы к рассмотрению. Тем самым ЕСПЧ признал несостоятельными доводы Конституционного Суда РФ по данному делу, вынес прямо противоположное решение и поставил в отечественной доктрине и правоприменительной практике ряд вопросов.

Рассматривая сложившуюся ситуацию, Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин ссылается на решение Конституционного Суда Германии. Суть содержащегося в нем указания сводится к тому, что государство, в том числе и его основной закон, ставя своей целью правомерную интеграцию в сообщество государств, не должно предусматривать отказа от природы своего внутреннего национального суверенитета, специфика которого закрепляется в конституциях. Он подчеркивает: «Следовательно, не противоречит цели приверженности международному праву и не является самоизоляцией, если законодатель в порядке исключения не соблюдает право международных договоров при условии, что это является единственно возможным способом избежать нарушения основополагающих конституционных принципов» [5].

В Постановлении от 14.07.2015 г. Конституционный Суд РФ разъяснил, что «...ни Конвенция о защите прав человека и основных свобод как международный договор Российской Федерации, ни основанные на ней правовые позиции Европейского Суда по правам человека, содержащие

оценки национального законодательства либо касающиеся необходимости изменения его положений, не отменяют для российской правовой системы приоритет Конституции Российской Федерации и потому подлежат реализации в рамках этой системы только при условии признания высшей юридической силы именно Конституции» [6].

Изучая особенности развития современного международного права, отечественные и зарубежные ученые, подчеркивая необходимость дальнейшего развития международного сотрудничества, ратуют за сохранение специфики историко-политического и социального развития отдельного государства. Регулируемые международным правом отношения тем сложны, что они, как ни одни другие, являются наиболее лабильными и быстро реагируемыми на все возможные социальные, политические, экономические и иные импульсы общественного и государственного устройства. Специфичны и субъекты, создающие темп развития таким отношениям – суверенные государства по большей своей части. Суверенность является главным признаком и причиной, по которой возникают рассматриваемые нами коллизии. Страсбургский суд, действуя на основе принципа субсидиарности, закрепленного в ст. 35 Конвенции, не должен подменять собой национальные судебные органы. Одним из существенных проявлений принципа субсидиарности является то, что «государства имеют свободу усмотрения и вправе самостоятельно решать, в какой форме должна осуществляться правовая защита» [7, с. 71.].

Примат международного права, на наш взгляд, в случаях противоречия решений национальных судов и наднационального суда не столько умаляется, сколько видоизменяется ввиду наличия превалирующего знания у отечественных властей в части поддержания особенностей конституционного строя страны, удовлетворения потребностей общества, нравственности, прав и интересов личности. Исключительные отклонения от исполнения отдельных международных обязательств могут быть продиктованы лишь невозможностью нарушать традицию, культуру и сложившийся общественный взгляд на те или иные общественные отношения и процесс реализации правовых норм. Подчеркнем – выбранная тема ни в коем случае не ставит своей целью умаление статуса ЕСПЧ, тем более придание постановлениям иллюзорного характера, а лишь акцентирует внимание на необходимости сокращения тех решений, которые даже обывательским взором трактуются как коллизионные, трудноисполнимые, а иногда и справедливо называются политизированными. Представляется, что решения Страсбургского суда должны выступать в качестве координирующих, рекомендательных начал и приобретать статус обязательных в случаях прямого и однозначного нарушения основных прав и свобод человека. Правовые позиции, включающие волю и усмотрения ЕСПЧ, должны существовать в качестве «красных нитей», позволяющих законодателю в объективном, неперсонифицированном виде устранять имеющиеся пробелы с целью избежать будущих системных правореализационных затруднений. Такой тандем, на наш взгляд, позволит достичь адекватного, пусть с издержками, консенсуса между национальными судебными органами и ЕСПЧ, тем самым обеспечивая функционирование слаженного и эффективного механизма защиты и восстановления нарушенных прав.

Список литературы:

1. Улетова Г., Малиновский О. К вопросу о повышении эффективности реализации решений Европейского Суда по правам человека в правовой системе России // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. № 6. С. 36.
2. Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения /Под общ. ред. д.ю.н., проф. В.А. Туманова и д.ю.н., проф. Л.М. Энтина. М.: Издательство НОРМА, 2002. С. 207.
3. О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней: Федеральный закон от 30.03.1998 № 54-ФЗ // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18263/ (Дата обращения: 23.10.2018).
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 N 12-П //

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197028/ (Дата обращения: 25.10.2018).

5. Зорькин В. Д. Предел уступчивости // Российская газета. Федеральный выпуск № 5325 (246). 2010. 29 октября.

6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. N 21-П // [http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201507170018/](http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201507170018) (Дата обращения: 25.10.2018).

7. Улётова Г. Д., Малиновский О. Н. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и исполнительное производство в российской правовой системе // Законодательство. 2007. № 1. С. 71.